

Приветствуя выход в свет первого номера философского журнала «Сократ», невозможно обойти вниманием фигуру этого величайшего философа и некоторые уроки, которые он оставил своим потомкам, в том числе и нам.

Именно Сократ трактовал философию как любовь к мудрости («*philia*» — любовь + «*sophia*» — мудрость), изначально обращая внима-

ние на то, что философ, стремящийся к мудрости, никогда не сможет ее приобрести, овладеть ею, ибо «мудрость боги сохранили за собой»¹. Именно Сократ обратил внимание на сочетание в философских размышлениях простоты и наивности с невероятной сложностью, что так часто вызывало непонимание и у современников философа, и у тех, кто приступает к занятию филосо-

фией сегодня. Великими философами становились и сапожники, как, например, Якоб Беме, и стекольщики, как, например, Бенедикт Спиноза. И напротив, окончание философских факультетов самых разных университетов вовсе не гарантирует того, что его выпускники действительно станут истинными философами.

Парадокс философии в том, что в ней высокая и сложная теория, часто

недоступная неподготовленному человеку, самой своей сущностью начелена на то, чтобы отвечать на изначальные и в этом смысле простые вопросы. При этом очень часто не понимают, что простые вопросы могут потребовать очень сложных ответов, гораздо более сложных, чем в конкретных науках, ибо последние имеют заведомо ограниченную предметную область исследований, которая последовательно осваивалась представителями данной науки. Соответственно, нахождение новых истин в науке всегда опирается на совокупность уже достигнутого путем систематического освоения прежних знаний. То есть любой науке всегда можно научиться, овладеть ее предметным знанием и присущими ей методами его получения. Философии же, как особому типу размышления, таким образом научиться сложно, если только вообще возможно. В философии изначально всё и все всегда равны. Мудрость может быть выражена и ребенком, и поседевшим старцем. Как отмечал Карл Ясперс, «философское мышление каждый раз должно начинаться с самого начала. Каждый человек должен осуществлять его самостоятельно»². Ни академический статус, ни положение философа в обществе не являются гарантией его философской мудрости. Между подлинным философом-мудрецом и квалифицированным философом-профессионалом может лежать огромная дистанция.

Указанная противоречивость философии и деятельности философов на уровне обывденного сознания проявляется в предрассудках, которые не исчезли и сегодня, да и вряд ли могут исчезнуть, — такова уж судьба философии. Философия, реализующаяся в философском мышлении, есть вечное противоречие и столкновение мнений и суждений по самым разным вопросам, но в рамках единого (не побюясь этого слова, вечного) смыслового пространства. Гегель связывал наличие предрассудков в понимании философии со здравым смыслом, который позволяет наибо-

лее легко рассуждать о том, о чём ничего не знаешь. В этом случае внешне знакомый предмет кажется простым и легко понимаемым. Однако известное от того, что оно известно, еще не становится автоматически познанным³. Человек как бы попадает под «магию слова». Произнеся слово «философия», которое все слышали и которое у всех вертится на устах, человек склонен считать, что он о нём все знает.

Часто в силу того, что абстрактные рассуждения философа не всем понятны, вместо того, чтобы вдуматься в них, проще обозначить данный род мыслительной деятельности как обыкновенную глупость. Именно так был оценен Аристофаном в его комедии «Облака» Сократ, который ищет ответы на вопросы типа «пищит комар гортанью или задницей», «на сколько стоп блошиных блохи прыгают»⁴. Соответственно, такая позиция реализуется в установках, что поскольку философия касается всего, то освоение философского мышления есть дело простое и всем доступное. Проявлением такого подхода является использование имени философии где угодно и в каком угодно смысле. Так бизнесмен, излагая принципы своей работы, может обозначить их как свою «философию бизнеса». Юрист, оценивая те или иные действия преступника, может говорить о «философии преступника», тренер футбольной команды — о «философии игры» и т. д. На уровне массового сознания слово «философия» часто используется в негативном контексте. С этой ситуацией мы сталкиваемся тогда, когда нам, к примеру, говорят: «хватит философствовать» или «ну ты и развел философию!». В более рафинированном виде, у «философствующих» на такой основе, возникает модная тенденция принципиальной непонятности излагаемых ими философских мыслей.

Таким образом, для человека по отношению к философии внешне и безразличного, она часто предстаёт как бесполезная и никому не нужная болтовня, и многие убеждены, что философию вовсе не надо изучать и что наличие во рту гибкого органа, помогающего нам оперировать с пищей, столь же легко позволит производить это и с понятиями. Гегель говорил по данному поводу: «Относительно всех наук, изящных и прикладных искусств, ремесел распространено убеждение, что для овладения ими необходимо затратить большие усилия на их изучение и на упражнение в них. Относительно же философии, напротив, в настоящее время, видимо, господствует предрассудок, что, — хотя из того, что у каждого есть глаза и руки, не следует, что он сумеет шить сапоги, если ему дадут кожу и инструменты, — тем не менее, каждый непосредственно умеет философствовать и рассуждать о философии, потому что обладает для этого меркой в виде своего природного разума, как будто он не обладает точно такой же меркой для сапога в виде своей ноги. Будто и впрямь овладение философией предполагает недостаток знаний и изучения и будто она кончается там, где последние начинаются»⁵.

Казалось бы, мы навсегда должны отбросить такие предрассудки, но и здесь философия противоречива, ибо, отбрасывая нечто, мы склонны абсолютизировать иное в качестве единственно истинной позиции. Более того, именно это порождает ещё более ошибочное представление о философии, когда о ней говорят почти с божественным почитанием, считая, что она представляет собой некую завершённую систему абсолютного знания, а философы — это мудрецы, знающие некие вечные истины и непреходящие ценности. Здесь исчезает главное (о чём предупреждал Сократ) — понимание философии как вечного процесса поиска истины, а не истины в последней инстанции. Абсолютизация какой-то

¹ Дильтей В. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. М.: Территория будущего, 2006. С. 21.

² Ясперс К. Введение в философию. Минск, 2000. С. 11.

³ См.: Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа // Соч. Т. IV. М., 1959.

⁴ Аристофан. Облака // БВЛ. Том 5. Античная драма. М., 1970. С. 355–356.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа // Соч. т. IV. С. 36–37.

философии (философской системы) в качестве единственно истинной, — а для ряда философов это было делом естественным, — приводила в истории человеческой культуры к печальным последствиям, когда философские идеи становились основой тоталитарных государственных режимов. Кроме того, такие представления ведут и к наибольшим разочарованиям для тех, кто, увлекшись данной системой, неожиданно пришел к прямо противоположным результатам.

Таким образом, с одной стороны, философия как теоретическое образование требует систематического усвоения понятийной системы, в противном случае она будет формой мнимого знания или совокупностью мнений. Но с другой стороны, философия не может быть оторвана от личностного переживания мира, которое не сводимо только к знанию, а тем более к какому-то одному типу знания, каким бы научным оно ни было. И здесь, напротив, важен фактор понимания философских размышлений и умения философа доводить их до формы, воспринимаемой другими людьми. Можно, например, сколь угодно долго и теоретично рассуждать о критериях нравственности в кругу философов, но пока это знание не выйдет из стен философских кабинетов и не станет предметом споров и обсуждений, своеобразной (может быть, даже популярной) идеей данного общества, оно так и останется внутри узкого круга философов, «варящихся в собственном соку», никак не влияя на действия людей. Индивидуальное, обыденное сознание является одним из источников философии. Это особое состояние разума, которое необходимо преодолевать путем его просвещения и научения в надежде на практические результаты. В этом смысле «философия должна быть доступной для каждого человека»⁶.

Внешне «свободное» раскрепощенное философствование, которое так популярно сегодня и обозначается самыми разнообразными терминами, чаще всего имеет за собой не-

желание и неумение систематически рассуждать, а то и просто невежество. Здесь мы сталкиваемся не с творческим мысленным усилием, а с произвольным умствованием, с суетным порождением из самих себя «новых» смыслов, которые часто являются лишь тривиальностями здравого смысла. «Печально то, что незнание и даже бесцеремонное и лишнее вкуса невежество, неспособное сосредоточить свои мысли на каком-либо абстрактном предложении, а тем более на связи между несколькими предложениями, выдает себя то за свободу и терпимость мышления, а то и за гениальность»⁷. Опираясь только на здравый смысл, безусловно, можно облекать банальные истины в личины философских одежд, которыми данная банальность прикрывается, однако к философии это не имеет никакого отношения, хотя и является источником массового философствования, которое иногда охватывает общество в те или иные периоды развития и широко ретранслируется системой массовой информации (чего стоят разделы философии, которые сегодня можно обнаружить в Интернете!). Гегель отмечал, что представители такой философии могут выбрать «царский путь» ее изучения, который основан на том, чтобы «положиться на здравый человеческий смысл и — дабы, впрочем, не отстать от времени и философии, — читать рецензии на философские произведения, да, пожалуй, предисловия и первые параграфы этих произведений. Ибо в предисловиях и первых параграфах даются общие принципы, на которых все строится, а в рецензиях — наряду с историческими сведениями также критика, которая — именно потому, что она критика — стоит даже выше критикуемого»⁸.

Истинно свободное философствование возникает не на пустом месте. Это не результат фиксации неких мыслей, возникших в голове того или иного человека. В этом случае свобода мышления относительна, ибо ее горизонт определяется здравым смыслом, в котором толь-

ко самому «философствующему» кажется, что его мышление самостоятельно. Он не ощущает банальностей собственных высказываний, ему лишь кажется, что он мыслит. Для действительно свободного мышления необходимо погружение в пространство мировой философии, освоение тех достижений, которые были в ней накоплены за более чем 2500-летний срок. Лишь ориентация в этом пространстве позволяет нам свободно чувствовать себя внутри философской проблематики, осознавать сущность философских проблем, сравнивать существующие варианты их решений и пробовать предлагать свои собственные. Философская самостоятельность должна быть не случайной стихийной свободой, проявившейся в виде двух-трех интересных мыслей, спонтанно возникших в голове, а результатом систематического размышления над краеугольными философскими проблемами. Следовательно, обстоятельное изучение философии и научение культуре философского мышления (философствованию) — это необходимый процесс, включающий в себя кроме собственно философской подготовки также освоение различных уровней знания от его конкретных областей, которыми занимаются науки, до особых форм постижения бытия, которые характерны для религии или искусства.

Философия, стало быть, открыта для всех, и каждый человек в той или иной мере философствует, однако подлинное овладение ею представляет собой глубокую и систематическую работу мышления, требует определенного настроя души, когда все окружающее нас как бы пропускается сквозь призму философской интерпретации, когда как в значительных, так и во внешне незначительных явлениях мы вдруг улавливаем законы гармоничного и разумного устройства бытия и понимаем свое действительное место в рамках мирового целого. Думается, что именно на этой позиции будет находиться и представляемый журнал.

Хаим Сокол «Летучая трава», 2009

⁶ Ясперс К. Введение в философию. Минск, 2000. С. 11.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа // Соч. Т. IV. С. 37.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа // Соч. Т. IV. С. 38.